

Для XIII МСС
(Люблина, 2003 г.)

© 2002 г. О.Н. ТРУБАЧЕВ

ОПЫТ ЭССЯ:

к 30-летию с начала публикации
(1974–2003)*

' делать этимологические словари интересно и легко, надо только каждый день писать несколько строк и так – сорок лет ' – из слов В И Абаева на его 90-летию (1990 г.), – *Studia Iranica et Albanica Festschrift for Prof Vasilij Ivanovič Abaev on the occasion of his 95th birthday* Rome, 1998, p. 501–502

Памяти двух великих делателей на ниве этимологии, оставивших этот мир в самом начале нового века (2001 г.), – Василия Ивановича Абаева и Францишека Славского, я посвящаю свои строки 'Опыт' Этимологического словаря славянских языков (далее – ЭССЯ) – это, в идеале, весь объем старонаписанного, но и наивозможный **новый** взгляд на вещи на всем немалом пространстве тридцати его томов от *А* до исхода *О*. Необходимость обращаться на данной стадии, как и на любой другой, равным образом далеко зашедшей, к **обобщениям**, понятна. Понятна, думаю, и потребность при случае острее присмотреться и к самой общей методологии наук, взять хотя бы ее кодифицированное уложение в новом "Уставе Российской Академии наук" (М., 2001). Как мне кажется, 'Устав' по-прежнему ориентирует усилия ученых на проведение фундаментальных исследований **областей** наук, в то время как поисковая работа разгорается, едва ли не с большим рвением, в **интердисциплинарных** зонах этих областей, на их, так сказать, **стыках**, и причем – давно. Вот уже в продолжение

* Истинный ученый работает пока жив и жив пока работает. Именно таким был Олег Николаевич Трубацев, написавший настоящую статью не только как итог 30-летнего издания ЭССЯ и более 40-летней его подготовки, но волею судьбы и как завещание на будущее.

Замысел написать статью для журнала возник в 20-х числах декабря 2001 г. Оговорен был и довольно жесткий срок ее подачи в журнал – середина февраля 2002 г. 29 декабря 2001 г. Олег Николаевич оказался в больнице, откуда, к сожалению, больше не вернулся, но слово свое сдержал и прислал статью в срок.

Уже из реанимационной палаты Олег Николаевич сказал жене – Галине Александровне Богатовой по мобильному телефону: "Как еще выдался просвет, в который я смог закончить статью для журнала до погружения в этот кошмар!"

Поступившая в редакцию рукопись содержит 49 страниц, написанных, как всегда, четким, ясным почерком, почти без исправлений. Статья предназначалась и для XIII МСС. Ко времени написания статьи в свет вышли 28 выпусков ЭССЯ. В настоящее время по 29-му и 30-му выпускам закончена авторская работа коллектива под руководством академика Олега Николаевича Трубацева – *Примеч. редактора*.

В дальнейшем и авторство
частей Словаря стало коллективным, что имело свои
плюсы, гарантируя Словарь от случайностей жизни.
В остальном, если смотреть на вещи ^{это} трезво, неизбежно
вышло за собой и множественность подходов, которую,
уважая авторство отдельных партий Словаря, главный редактор
не считал возможным нивелировать, оставив, впрочем,
за собой все же раз и право выбора в смысле предпочте-
ния того или иного этимологического решения и шире —
метода изложения, подачи и аранжировки материала,
критики литературы вопроса. Иногда, правда, дело
принимало характер вторжения главного редактора
в ^{авторский} этимологический анализ, почему-либо неудовлетворитель-
ный, или, скажем так, остановившись на слишком
раннем, пересказанном уровне, тогда как и из вниматель-
ного чтения литературы уже брезжило более глубокое
решение вопроса...

Из рукописи статьи О.Н. Трубачева

полувек издаётся известный труд акад. В.В. Виноградова "Русский язык", где аналогичная концепция получила внешнее и внутреннее воплощение, ср. хотя бы этот говорящий (под)заголовок "Грамматическое учение о слове". Как никто умел работать "на стыке" В.И. Абаев (на стыке огромных и разных культурно-языковых регионов, "на стыке Востока и Запада", наконец).

Обозначив также для себя эти и другие задачи, впору и отплатиться, имея в виду обширность и труднообозримость "опыта ЭССЯ", его установку на "живое" праславянское слово, на воистину необозримую реализацию всех словообразовательных моделей. Это влечет за собой какую-то ломку сознания ("стык лексикографии и психологии"), привычные параметры нарушаются ("нормальные" этимологические словари выглядят привычно иначе, а здесь после огромных обзорных пассажей идет вовсе и не этимологический анализ, а, например, скупая констатация сложения префикса *ла-* с корнем). Алфавитный порядок в таких случаях особенно раздражает, а у нас, как известно, принято ругать то, без чего не обойтись. При этом забывается, что как раз полная алфавитная презентация всех "*ла-* + N-корень", всех случаев сложений с *не-* практически тождественна монографической и уж не менее выгодна. (О.Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // Вестник РГНФ. 1997. № 2 : 116). Элементарный дефицит человеческого терпения множит естественные отрицательные эмоции и нашептывает соблазны разных "скорох" проектов: оставить "пока" (?) в стороне бескрайнее море монотонного, словообразовательного, "прозрачного" материала, сосредоточиться на корневых, темных, "этимологически интересных" словах... Короче, психологически налицо весь антиколумбовский комплекс (Не доедем... Земли не видать... Не лучше ли остановиться и возвратиться!), и нет лучшего способа загубить все дело. Удивительно, но у высококультурных во всем, включая этимологическую лексикографию, чешских коллег, этот феномен срабатывал. Результат тоже известен.

Настоящий лексикограф-этимолог не даст собой овладеть пораженчеству, не дрогнет перед жупелом "однообразия", памятуя, что перед ним то, что, может быть, наиболее характерно для славянской речевой и языковой стихии. А потом – всякое внешнее однообразие обманчиво. И терпение исследователя вознаграждается, я убеждался на собственном опыте. И это едва ли не лучшее подтверждение того, что **словарь – критерий науки о языке**. Внимательный взгляд не пропустит в "прозрачном" потенциально праславянском **naznati* (ЭССЯ 24) не только параллель к греч. ἀνα-γινώσκω 'узнавать', но и возможное продолжение еще и.-е. **ana-ǵnō-*. Вскрытое в процессе работы над не менее "прозрачными" сложениями с отрицанием *не-* (также ЭССЯ 24) праславянское **nebašъ* ('негодяй', русск. диал.), а главное – его полное соответствие в лат. *ne-fās* 'грех', обнаруживает сразу и этимологическую перспективу, и указанную латинско-славянскую изоглоссу и изопрагму из сферы древней этики, все в целом – немаловажное для этногенетических штудий. Одним словом, и находка, мимо которой поколения исследователей проходили не замечая, и награда. При более эклектичной методике (см. выше) ее просто не было бы.

Прикрытость древнего корня продуктивным префиксом, как и продуктивной суффиксацией, – тоже распространенный феномен, с которым следует считаться в нашей исследовательской практике.

Собственно говоря, попытка нынешнего рассмотрения "Опыта ЭССЯ" у нас не первая, еще во второй половине 80-х годов я уже задавался аналогичным вопросом (вопросами) в довольно полном объеме, разве что с тем отличием, что в моем распоряжении было вполноту меньше материала [О.Н. Трубачев. D'une pluralité primitive à la pluralité postérieure. Le cas de vocabulaire slave (Краткое изложение опыта Этимологического словаря славянских языков, в дальнейшем – ЭССЯ)] // Metódy výskumu a opisu lexiky slovanských jazykov. Materiály zo symposia konaného v rámci 7. zasadnutia Lexikologicko-lexikografickej komisie pri Medzinárodnom komitáte slavistov (Nové Vozokany 24–26 apríla 1989. Bratislava, 1990, с. 103 и сл.). Тогдашний текст

назывался "От первоначальной множественности к последующей множественности" и был полемически направлен против упрощений славистической классики, конкретно – труда Н. Ван-Вейка "От единства к множественности" (1956). Начало славянского языкового развития нам виделось, в отличие от голландского слависта, также не идентичным единству. Уже давно мы оперировали понятием **праславянского лексического диалектизма**. Ясно, что наше понимание резко расходилось с шлейхеровским "древом" о едином исходном стволе с позднейшими разветвлениями. Продолжать спор побуждала неустаревающая роль концепции "родословного древа", которой сохраняют верность новейшие и фундаментальнейшие труды, исходящие из "общеиндоевропейского" и его первоначального "единства" (чтобы убедиться, достаточно раскрыть фундаментальнейший из них – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов "Индоевропейский язык и индоевропейцы". I–II, Тбилиси, 1984).

Мы еще будем иметь возможность, далее, "пройтись" по обзорному перечню праславянских лексических диалектизмов, чтобы наглядно судить о явлении. Сейчас важно выделить другое. Хотя, думаю, мало кто раскрывал или раскрывает наш Словарь для получения ответа на эти вопросы, речь идет не больше, не меньше как об **общей теории языкового развития**, если угодно, не одной только славянской, но и шире – общезыковой общечеловеческой (праславянский как частный пример праязыка вообще).

И хотя на глоттогонические дали мы в принципе не посягаем, **дограмматический** уровень в этимологической практике нашего Словаря – вполне достижимый и обсуждаемый уровень с результатами порой хрестоматийной убедительности и яркости. Например, **nozdrī* (русск. *ноздри* и т.д.) со своей, как кажется, ординарной плюральной формой на *-i* при реконструкции **no - srī* и ее несомненном тождестве с иноположенным и.-е. **srī- n(o)s* в греч. *ῥῖς, ῥῖνός* 'нос' показывает, что в славянском исходное **корневое** *-i* лишь вторично осмыслено как **грамматическое** множественное число. Огромный путь от архаического звуко символа до якобы вторичной, но тоже еще праиндоевропейской знаменательной лексики оказывается в поле зрения соответствующего этимологического этюда, ср. весь ряд праслав. **novъ*, и.-е. **neucos* 'новый', праслав. **nupъ*, далее сюда же побудительно-междометное **ni* (русск. *ну!*), целая глагольная группа 'качать, кивать, укачивать' – **nukati, *nunati/*nynati*, сюда же лат. *niō* 'кивать', противительное **nъ*, наконец, праслав. **nyti* 'мучиться, томиться; громко плакать'. В двух словах, перед нами одинаково четко наблюдаемые конец и начало эволюции, но при этом и синхрония, и диахрония оказываются спаяны в такую до сих пор живую ахронию, что нельзя отделаться от удивления. В свое время, обсуждая опыт ЭССЯ, мы высказались о **дезактуализации древней грамматики**. Действительно, мы имеем дело с выявлением ряда грамматических категорий и формантов, уже неживых, и их полезно тоже обозреть в итогах "Опыта". Но имеет смысл посмотреть на дело шире, поскольку речь идет о нескончаемом двустороннем процессе – **грамматикализации лексического и лексикализации грамматического**.

Этимологический словарь типа ЭССЯ, осуществляя **реконструкцию**, приводит нас к **другому словарному составу**, что в общем понятно и вопросов не вызывает. Но он приводит также к **другой грамматике** и **другому словообразованию**, иными словами – к **другому языку**. О фонетическом уровне мы специально избегаем говорить, прежде всего – о набившем оскомину раннепраславянском и позднепраславянском, ограничиваясь индоевропейской исходной базой праславянского.

Постановка проблемы другого словарного состава, к которому восходит или от которого отклонился в ходе своей эволюции праславянский, – это, иначе говоря, вопрос **утраты лексем** разного времени, лексем еще индоевропейского вида или лексем уже чисто славянских, утраченных тоже порой очень рано, уже за пределами письменной истории, что заставляет мобилизовать всю побочную традицию, прежде

всего – ономастику, при поисках. Было забыто имя **perstamen* ‘перерыв, прекращение’, индоевропейского вида, оставив, впрочем, хорошо просматриваемый след в словосочетании **bez perstmene*. Лакуны словарного состава могут иметь региональный характер, ср. отсутствие западнославянских продолжений **bьdrъ* (русск. *бодрый* и т.д.). В свою очередь, напр. **čьrtъ* (русск. *чёрт* и др.) неизвестно в восточнославянском. Определенную перестройку (табуистическую замену) может представлять праслав. **dqbъ*, название дуба, вместо возможного древнего **perkъ*, с прямыми индоевропейскими связями. Широко известное на востоке славянства, **kolkolъ* отсутствует почти во всем западнославянском, кроме периферийного полабского. У восточных славян нет слав. **kortъ* ‘раз’ в исконной форме, есть только заимствованное – *крат*. В западнославянском нет праслав. **korvajъ*, тогда как на Юге и Востоке его ритуальная роль велика, нет на западе славянства праслав. **katja* как обозначения жилища и **kьrma* ‘purpīs, корма судна’.

В масштабах всего славянства был утрачен целый ряд глаголов, притом что производные от них имена четко сохранились. Последние, вроде **ečьtu* ‘ячмень’, свидетельствуют, что глагол был, в данном случае **ekt’i* ‘гнуть, погибать’. О существовании важного глагола **gati* ‘идти’ можно заключать лишь косвенно. Похоже, что продолжение праслав. **kosnati(se)* было неизвестно (или утрачено) на западнославянских территориях. Еще индоевропейский архаизм, **kriti* ‘купить’ дошел только в скудных русскоцерковнославянских остатках, другой, омонимичный **kriti* ‘резать’, давший имя **krojъ*, не дошел до нас вообще.

По производному **ažьlo* ‘козлиная шкура’ нетрудно заключить о существовании исчезнувшего **ažь* ‘козел’. Языком и его лексиконом совершенно забыто такое яркое имя, как **obitokъ* (ср. аналогичное русск. *оби-ход*), восстановимое только по гидронимии и топонимии.

Изолированное и этимологически весьма любопытное **natъ* II (др.-русс., новг.) ‘проценты, лихва’ – единственный именной свидетель существования также некоего глагола праслав. **neti*, родственного лтш. *ņemt* ‘брать’, гот. *niman* (ЭССЯ 22: 193). Только в приставочных сложениях (ср. **nanēti*, сербохорв., ЭССЯ 22: 198) установим и восстановим особый глагол – **nēti* ‘нести’, индоевропейского происхождения, сочетаемый супплетивно с известным **nesti*.

Поскольку пафосом нашего видения (праславянского словарного состава) было и остается внимание к древнему лексическому диалектизму, трудно удержаться от соблазна дать его список в относительно полном виде, поскольку к “опыту” ЭССЯ это имеет самое прямое отношение. Итак, картину изначальной сложности диалектных отношений славянского усугубляли эти элементы древней лексики, мозаически рассеянные по славянскому этноязыковому пространству:

**abrědъ* (русс.-цслав.), **abređъ* (польск. диал.), а также некоторые производные в чешско-словацкой группе и в словенском, в конечном счете – от и.-е. диал. **b(h)rend-/b(h)raid-* ‘росток, выросшее, рог’.

**adati* (только ст.-чеш.) ‘испытывать, исследовать’ < и.-е. **ōd-* ‘обонять; пахнуть’.

**apa* (русс.-цслав.), **apati* (ст.-чеш.), **арьпъъ* (чеш.) со значениями ‘надежда’, ‘наблюдать’ и т.п. < и.-е. **ap-/or-*.

**askъ* (словен., словц., н.-луж.) ‘яма, углубление’, сюда же **askyni* (зап.-слав.) ‘пещера’.

**bag(ъ)ъ* II (словц., русск., укр.) ‘обод, часть колеса, отпорный крюк’, ступень чередования к **bĕgъ*, **bĕg’i*.

**balagovati* (болг. диал., словц. диал.) ‘тратить время впустую’, ср. сложение **bala-guriti* (только русск.).

**ba(d)ъji* (ст.-слав., др.-словен.) ‘врач, исцелитель’ < и.-е. **bhādhl-* ‘речь’.

**bedьrnъ* II (ст.-слав. гапакс) ‘богатый, обильный’, ср. др.-инд. *bhadra-* ‘благо-состояние, богатство’.

- **blesnъ* (сербохорв., ст.-польск., кашубско-словин.) 'сумасшедший, глупый'.
- **blimati* (только укр.) 'мерцать, мигать'.
- **blutiti* (сербохорв. диал., русск.-цслав.) 'бормотать', 'совершать жертвоприношение?' < герм.?
- **bl'urati* (н.-луж.) 'брызгать, гадить', с полным литовским соответствием.
- **bodarъ* (сербохорв. диал.) 'рогатое животное', (кашубско-словин.) 'рыболовные вылы'.
- **bodŭ/*bodŭve* (сербохорв. диал.) 'рыболовный трезубец', с и.-е. -й- основой.
- **borgъ* (зап.-слав. и укр.) 'стог, укрытие для сена' с и.-е. диал. соответствиями.
- **bqkarъ* (полаб.) 'выпь', (русс. диал.) 'насекомое'.
- **bruliti* (болг., макед.) 'сбивать, срывать плоды', с балт. соответствием.
- **buga* (болг., макед., русск. диал.) 'сырое, топкое место', с лтш. соответствием.
- **br̥dno* (н.-луж.) 'пузо', (слвц. диал.) 'дно' < и.-е. **bhudhno*.
- **br̥na* (болг., макед., словен. диал.) 'губа', с балт. соответствием.
- **c̥sta* (сербохорв. диал., словен., чеш., слвц., польск. диал.) 'дорога', в вост.-слав. неизвестно.
- **čeviti* (блр.) 'бдеть'.
- **čila* (ст.-чеш.) 'минута'.
- **čbĕja* (в.-луж.) 'бочка' от несохранившегося глагола **čbĕti*, с балт. соответствиями.
- **čŭpti* (укр., блр. диал.) 'бить, толочь', 'говорить, вздор', с балт. соответствиями.
- **čъtanъ* (сербохорв. диал., слвц.) 'мелочь, мелкая трава', родственно балт. названиям мха.
- **dagъ* (сербохорв.) 'жир из костей, дёготь'.
- **dasny/*dasnъ* (болг. диал., сербохорв.) 'щедрый' с лит. соответствием.
- **debĕti* (болг., русск. диал.) 'подстерегать, долго сидеть'.
- **drynъ* (русс. диал., укр. диал.) 'палка, дубина', с др.-инд., ир. соответствиями.
- **d(ъ)veka*, **d(ъ)veĕiti* (болг., словен., русск. диал.) 'жвачка, жевать', производное от числительного 'два'.
- **d(ъ)vigo* (только кашубско-словин.) 'ярмо для двух волов', с полным лат. соответствием.
- **d(ъ)vina* (др.-русс.) 'родной брат', (русс. диал.) 'две полосы рядом', с и.-е. соответствиями.
- **duĕ/ъ* (русс. диал.) 'пыль', с балт. соответствиями.
- **ĕdme*, мн. **ĕdmena* (только др.-русс., русск. диал.) 'зерно на еду и корм', с балт. и др.-инд. соответствиями.
- **ĕpa* (укр. диал., блр. диал.) 'нарост, рубец', с лтш. соответствием.
- **gluzъkъ* (чеш., русск. диал.) 'уголок глаза, шов'.
- **gohъ* (русс.-цслав.) 'богатство, изобилие', сюда же **gobino*, **gohъzъ*, герм. происхождения.
- **gonĕti* (ст.-слав., русск.-цслав.) 'быть достаточным', с лит. соответствием.
- **gqŭnъjъ* (чеш., слвц.) 'густой', сюда же русск. диал. *гуть*, с утраченной глагольной основой, от которой произведено **gqstъ*.
- **granivъ* (только болг. стар.) 'оранжевый', ср. герм. **grōn*- 'зеленый'.
- **grĕnъjъ* (русс. диал., укр., блр. диал.) 'зеленый', родственно предыдущему.
- **grĕvъ* (болг., укр. диал.) 'серый', с герм., фрак.(?) соответствиями.
- **guja* (болг., сербохорв.) 'змея', (чеш. диал.) 'кишка'.
- **gumati* (сербохорв., чеш. диал.) 'пожирать', (слвц.) 'толочь', возможно, герм. происхождения.
- **gъslo* (чеш., слвц.) 'знак, сигнал'.

- » **xřēiti se* (сербохорв., словен.) 'надуваться', (слвц., диал.) 'стараться через силу', вероятно, отдаленно родственно гнезду **skridlo*.
- **xřrdati* (сербохорв. диал., словен.) 'сильно бить', (русс. диал.) 'толсто прясть'.
- **jutiti (se)* (только русск.) 'помещать(ся) в тесноте' < и.-е. **jeu-* 'мять, месить'.
- **jutjъnъ* (чеш., ст.-слвц.) 'горло, пищевод' (ср. предыд.).
- **jutъje* (чеш. диал.) 'таяние, оттепель' < и.-е. **jeu-* 'мять, размягчать'.
- 11 **jъ nъ* (чеш., польск. стар.) 'который' < и.-е. диал. **jos nu*/**jos ne* (фриг.) 'кто же'.
- **jъzkrъ* (ст.-слвц., серб.-цслав., словен., русск.-цслав.) 'близко', сложение с **krъ*.
- **jъzněti* (только сербохорв.) 'вынести' < и.-е. **nai-*, супплетивного к **nek* 'нести'.
- **jъztějati* (только сербохорв.) 'изжарить на медленном огне', связано с чередованием гласных с **tajiti*. Сюда же **zatějati* (вост.-слав.).
- **jъz(ъ)zъrkъjъ* (др.-русс.) 'голубоглазый', к **zъrěti*.
- **kamъditi* (русс. диал.) 'копить' соотносительно с **komuditi*.
- **kasъnъjъ* (чеш.) 'просторный, свободный'. (др.-русс.) 'чистый, отборный', диал. производное от **kasati*.
- **klojaznъ* (чеш. диал.) 'лодырь', с балт. родством.
- **klosati* (болг.) 'жалить, колоть', (чеш. диал.) 'донимать', сюда же **klosъnъ* (болг., сербохорв., русск.-цслав.) 'увечный'.
- **kojariti (se)* (сербохорв. диал.) 'увеличиваться', (польск.) 'соединять', сложение с префиксом *ko-*.
- **kojasnъti (se)* ? (сербохорв.) 'появиться', (чеш. диал.) 'свалиться'.
- **kosiba* (слвц. диал.) 'кривуля, оповещение старосты', редкая суффиксация, ср. **sědiba*.
- **kozъgъ* (вост.-слав.) 'навес для защиты зрения', сложение префикса *ko-* и глагола **zyriti* 'смотреть'.
- **kqkъrica* (сербохорв.) 'кустарник', сложение префикса *kq-* и **kъrъ* 'куст', известного только в зап.-слав. и вост.-слав.
- **kregnъti* (чеш., слвц.) 'твердеть, коченеть', слабо сохранившийся глагол с *e-* вокализмом, давший известное производное **krqgъ*.
- **kričъ* II (русс.-цслав.) 'кузнец' < и.-е. **kъer-* 'делать'.
- **krъ* (только русск. диал.) 'подле, около'.
- **krъkyga*/**krъkriga* (русс.-цслав.), первоначально 'скрипучая повозка' < **krъk(r)-* 'крик, скрип'.
- **kudihaba* (сербохорв.) 'сплетница, клеветница', сюда же чеш. *kudihal*, *kudrhal* 'лентяй, дурак; домосед'.
- **kujъmъ* (др.-русс., русск. диал.) 'глухонемой, заяка', сложение префикса *ku-* и корня **jъmq*, **eti*.
- **kulakъ* (чеш. диал.) 'что-либо круглое', (вост.-слав.) 'сжатые пальцы руки', производное от **kuliti*, и.-е. происхождения.
- **kutъly*/**kutъry*/**kutyгъ* (болг.) 'мизинец, бедняга', (др.-русс.) 'толстяк', (русс. диал.) 'желудок', (укр. диал.) 'конец сети'.
- **kuzlo* (чеш., слвц., в.-луж., блр. диал.) 'колдовство', (русс. диал.) 'кузнечная работа'.
- **kъldunъ*/**kъltunъ* (вост.-слав.) 'завязанное, закрученное со злым умыслом; колдун' < **kъltati*.
- **kъrnorogъ* (макед.-сербохорв.-укр. изоглосса) 'безрогий, со сломанным рогом'.
- **kъrzina* (польск.-кашубско-словин.-русс.-блр. изоглосса) 'плетеная корзина'.
- **kyriti*/**kyr'ati* (польск., русск. диал., блр.) 'пьянствовать', из первоначального 'дымить', ср. **kurъ*, **kuriti*.
- **lagъz(d)a* (русс. диал.) 'лакомка', (блр. диал.) 'неповоротливый человек, неряха', сложение реликтового префикса *la-* (и.-е. **ol-*, местоименное) и **gyzъ*.

**laxati* (сербохорв. диал., чеш., русск. диал., блр. диал.) 'бегать', (польск.) 'быть в течке' < и.-е. **lek-* 'летать'.

**latja* (чеш.) 'легкость', (русс. диал.) 'удача', производное от **latiti* II.

**lavъkъ* (словен.) 'колосья, собираемые после сбора урожая' < и.-е. **lōy-*.

**lemel-mene* (болг. диал.) 'плуг, соха', ср. более распространенное **lemexъ*, **lemešъ*.

**lemiti* (в.-луж.) 'ломать' < и.-е. **lem-* 'ломать'.

**lěiti* II (сербохорв. диал.) 'ухаживать', (укр. диал.) 'бегаться – о коровах', *lěť* III (укр. диал.) 'половое влечение – у коров' с кельт. соответствиями.

**lěva* II (словен.) 'маленькая птичка, жаворонок' < герм. **laiwa-* 'жаворонок'.

**lěviti* II (сербохорв. диал., чеш., укр. диал.) 'облегчать(ся), слабеть' < и.-е. **lēy-*.

**lězivo* (польск., вост.-слав.) 'бортническое приспособление для влезания на дерево; острие, лезвие'.

**liga* (болг., макед., сербохорв.) 'слюна'.

**ligati* I (укр.) 'связывать', с этимологическим соответствием в лат. *ligō*, *ligāre* то же.

**liknavъjъ* (чеш.) 'медлительный, ленивый', с и.-е. связями.

**lila* II, **lilъ* (болг. диал., сербохорв., словен.) 'тонкий слой коры; змеиная кожа', с соответствиями в лит. *leilas* 'тонкий, стройный'.

**listarъ* (сербохорв., русск. диал.) 'листва, листья', видимо, старая словообразовательная изоглосса.

**lisъ* II (словен.) 'ленивый' < и.-е. **leid-s-*.

**l'udati* (в.-луж.) 'лицемерить, лгать', с балт. и герм. соответствиями.

**luta* (словен.) 'колосья, оставшиеся в поле после жатвы, фрукты, оставшиеся после сбора урожая', с и.-е. связями.

**lъgъtъ* (кашубск.-словин.) 'разливательная ложка, ковшик, лопаточка'.

**macēsny* (?) (сербохорв. диал., словен.) 'лиственница'.

**mazgarъ* (русс. диал.) 'паук', с и.-е. соответствиями.

**meldъny* (сербохорв., словен.), родственно праслав. **molďъ*.

**menina* ? (словен.) 'серьга, ушной подвесок', ср. **monisto*.

**merati* (сербохорв. диал., русск. диал.) 'разминать; колотить белье вальком', с и.-е. родством.

**mězgyrъ* (др.-русс.) 'паук', ср. **mazgarъ*.

**mijati* (ст.-чеш., чеш., словц. диал., польск., кашубск.-словин.) 'проходить, миновать', ср. лат. *teo*, *-are* 'идти, ходить'.

**mila* (блр. диал.) 'растение ситник'. Ср. **milъ*.

**milъ* (в.-луж., н.-луж.), название растения, и.-е. происхождения.

**mivati* (*se*) (словц.) 'думать, казаться', с лит. соответствием.

**mlakъ* (болг. диал., сербохорв.) 'вялый, слабый', и.-е. происхождения.

**mlitъ* (макед., сербохорв.) 'дряблый, вялый'.

**modrodervъ* (чеш. диал., польск.) 'лиственница', сложение **modrъ* и **dervo*.

**modrъ* (ю.-слав., зап.-слав.) 'синий', дальнейшие связи неясны.

**molmolъ* (болг., словен.) 'пропасть, бездна', редупликация к **melti*.

**mosk(ъ)va* (словц.) 'мокрый хлеб в зерне'.

**motr-* (русс. диал.) 'вязанный', гнездо **mot-*.

**mozugъ* (словен., ст.-укр., блр.) 'болото'.

**moždževěľ* (?) (др.-русс., русск.).

**mъdovъšъka* (польск.) 'pediculus pubis', сложение **mъdo* и **vъšъ*.

**mъtovъrěti* (русс. диал.) 'мешать, смущать', сложение **mъtъ* и **vъrěti*.

**muxovorъ* (русс. диал.) 'паук', сложение **muxa* и **vorъ*, ср. с последним лит. *vóras* 'паук'.

- **musla*/**musľ* (русс. диал.) 'скулы, челюсть' < **mud-sl-*.
- **mušiti* (болг., макед.) 'колоть, толкать, совать', ср. лит. *mūšti* 'бить, колотить'.
- **tutoriti* (русс. диал.) 'сбивать с толку', сложение экспрессивной приставки *ти-* и глагола **toriti*.
- **myriti* (русс. диал.) 'покрываться рябью'.
- **mystľ* (др.-русс., русск. диал.) 'белка-летяга, белка', ср. лат. *mūstēla* 'ласка'.
- **myševějъ*/**myševijъ* (укр. диал.) 'крапивник *Troglodytes parvulus*', сложение **муъ* и **viti* 'гнать'.
- **мылквѣъ* II (слвц.) 'неспелый, слабый (колос, зерно)'.
- **мыселѣ*/**мысѣл* (цслав., ср.-болг., др.-русс., русск.-цслав.) 'доход, корысть'.
- **мыть* (др.-русс., русск. диал.) 'связка рыбы', с балт. соответствиями.
- **na krъ* (болг. диал.) 'на окраине, на краю', словосочетание **na* и **kr-* (ср. **jъzkrъ*).
- **na povirice*, **na poverьky* (сербохорв. диал. – блр. диал. изоглосса) 'вдвоем (нести груз)'.
- **nakovēsiti* (se)/**nakъvēsiti* (se) (сербохорв. диал. – блр. диал. изоглосса) 'изогнуться; нахмуриться', сложение префикса *ko-/kъ-* и глагола **vēsiti*.
- **namъ* II (др.-русс., новг.) 'проценты, лихва', с балт. соответствиями.
- **nanēti* (сербохорв.) 'наносить', сложение *na-* и глагола **nēti*, супплетивного к **nesti*.
- **napъta*/**napъtъ* (цслав., русск.-цслав.) 'наемник, наемный рабочий', обратное именное производное от глагола **napъtati* (чеш. диал.) 'нанять (рабочих, работников)'.
- **natějati* (русс. диал.), сложение *na-* и **-ějati*, ср. **jъztějati*, **zatějati*.
- **nebaъъ* (кашубско-словин., русск. диал.) 'негодяй' и близкие значения, ср. лат. *ne-fās* 'грех'.
- **ne-natъbъjъ* (укр. диал.) 'ненасытный', ср. лит. *nu-ĩlti* 'умолкнуть, утихнуть'.
- **neroka* (др.-русс. *hapaх*) 'нянька', ср. **otrokъ* 'infans, малолетнее дитя'.
- **obmęть* или **otmęть* (только чеш. диал.) 'память', ср. лит. *atmintis* 'память'.
- **ob-po-romiti* (русс. диал.) 'проявить заботу, присмотреть', ср. лит. *raminti/ramyti* 'успокаивать, унимать'.
- **ob-pruliti* (сербохорв., редк.) 'уничтожить'.
- **ob-puliti se* (болг., макед., сербохорв., словен.) 'вытаращить(ся); ободрать', с сохранением слабозасвидетельствованного глагола **puliti*.
- **ob-puriti* (сербохорв., кашубско-словин., русск. диал.) 'обжечь; обмануть; обмочить мочой', со слабозасвидетельствованным **puriti*.
- **ob-pusknēti*/**ob-pysknēti* (ст.-слав., русск.-цслав.) 'измениться, исказиться (о лице)', с редким **pysknēti*/**pyskniti*.
- **ob-prъcati* (сербохорв.) 'нажраться; ободрать', от редкого **prъcati*.

Предложенный выше список гапаксов, древнедиалектных слов предположительно неполон даже в означенных рамках словаря на *А – О*. Поскольку по очень предварительным расчетам, "на глазок", названный отрезок *А – О* составляет едва ли половину будущего комплектного ЭССЯ, можно себе более или менее представить, насколько вырастет наш список праславянских лексических диалектизмов, а заодно и роль его в презентации древнедиалектной картины языка, отраженного в совокупном ЭССЯ. Преобладающую характеристику этих элементов лексики (выше) составляет их реликтовость и изолированность, позволяющая настаивать на древности по крайней мере большинства из них, но сказанное не противоречит такой обнаруживаемой их черте, как **трансдиалектальность**, поскольку тот или иной потенциально древний элемент лексики порой самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии, объединяя порой неблизкие диалекты между собой и даря нам таким образом фрагменты древней **лингвистической географии** с ее проницаемостью диалектных границ. Разумеется, нормальное развитие и функционирование праславянского языка как языка **живого** порождало определенное количество естественных **новообразова-**

ний, которые, за давностью времени, бывает трудно отличить от древностей лексики, признавая ограниченные возможности доступной нам методики. И все же крайне важно вырабатывать в себе это исследовательское умение слышать и выделять эти отголоски. До недавнего времени они все же недооценивались. Ведь всегда наличествовали эти **непреложные сигналы дублетности**, но они лежали втуне, ибо господствовала теория **изначального единства**, которая их игнорировала. Это явилось ошибкой, в дальнейшем определившей судьбу названной теории. Взять, например (из числа подобных сигналов) наличие именно в славянском обоих индоевропейских предлогов-приставок **jъz-* (**eġhs-*) и **vy-* (**ūd-*), вступающих нередко в отношения дополнительного распределения друг с другом, тогда как в окружающих индоевропейских языках представлена **менее сложная картина**, то есть наличествует какой-либо один из двух предлогов-приставок – **eġhs-* в балтийском, латинском и **ūd-* в германском, индоиранском (перечень можно продолжить).

В распоряжении читателя ЭССЯ оказывается непечатый край материалов на тему этой дублетности из области лексики и словообразования, и здесь всегда, наряду с вещами относительно известными, есть и гораздо менее известные или неизвестные совсем. Так, название дерева яблони выступает в форме **ablonь* у западных и восточных славян, но как **abolnъ* – на юге славянства. Еще разнообразнее отношения производных от названия бобра: **hebrěnъ* (только др.-русс.) – **hobrovъ* (в большинстве славянских языков) – **bobrujъ* (реликтовое др.-русс.). Очень старые различия могут стоять соответственно за отношением форм **herzъnъ*/**herzъno* (зап.-слав.) – **herzovъ* – **herzujъ* (последнее – только русск., гидронимическое) от названия березы. Пара **bъbrъ* ‘бобр’ (сербохорв. и др.-русс.) – **hobrъ* (широкораспространенное) может отражать еще дославянскую, индоевропейскую дублетность. Древние сложные апофонические и словообразовательные связи представлены в названиях стада, стаи: **čerda* – **kъrdъ*, **kъrdelъ* (в южнославянских, отчасти – западнославянских языках и диалектах), **kъrdьno* (кашубско-словин. и в производной сербохорв. форме). До недавнего времени не было известно, что только восточнославянское **kъrmyslo*, **kъrmyslъ* ‘кормысло’ имеет любопытное апофоническое соответствие в изолированном **čъrmysly* (кашубско-словин.). Еще индоевропейские диалектные отношения просвечивают в дублетной суффиксации **čъrvъ* ‘червь’ – **čъrmъ* (реликтовое, в основном – в производных **čъrmelъ*, **čъrmъ*, **čъrmьnъ*). Деметатезное именное еще индоевропейское производное **dēža*, ‘дежа, посуда для замешивания теста’ сосуществует с регулярным метатезированным слав. **zъdati*, **zъdъ* – о работах с глиной и изделиях из нее. Реликтовый глагол **glehti*, прослеживаемый в производном имени **globa*, как бы повторяет более известные отношения **grehti* ‘гresti’ – **grobъ* ‘могила’.

Мы сами и наши рецензенты привыкли повторять, что “реконструкция праславянского словарного состава – это, может быть, самая трудная часть реконструкции праславянского языка” [Е. Havlová (рец. на) О.Н. Трубачев (гл. ред.), Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашников, Л.В. Куркина, И.П. Петлева. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 25 и 26. М., 1999. (ркл.)]. При этом, между прочим, как-то забывается и недооценивается тот принципиальный прорыв в древнюю **грамматику, словообразование и семантику** в самом широком смысле (то есть и лексическую, и культурную), который осуществляется в Словаре такого типа, как ЭССЯ. Выше мы называли уже эти важные вопросы, но они требуют к себе постоянного исследовательского внимания, как и сам богатый языковой материал, к тому же, во многом новый и свежий, лучше всего, пожалуй, дающий возможность ощутить привкус прикосновения к основным результатам Словаря, например, пережитки глагольного опатива *si* в составе **asi* (чеш., слов. *azda*), следы дуративного префикса **ba-/he-* в глагольной и отглагольной лексике – **hatoriti*, *verbum dicendi*, **hesěda*, остатки отживших категорий индоевропейской

грамматики – глагольные дебитивы **byтъnъ*, **datъnъ*, некая дополнительная ступень сравнения прилагательных, еще индоевропейский аппроксиматив на *oh-* в случаях **ohъьrпъjъ* ‘черноватый’, **ohdъьlgъjъ* ‘длинноватый’. В огромном преобладающем корпусе славянских глагольных форм, прошедших тематизацию и имперфективацию, реконструкция может выделить ряд форм, не охваченных этими магистральными процессами: таковы **старые причастия** прошедшего времени страдательного залога **без тематического гласного** – **gornъ*, **junъ* (NB: принадлежность к такого рода причастиям адъектива и.-е. **jouynos* ‘молодой’ как проблема *sui generis*). **jъzpornъ* (последнее только в белорусском), **kunъ* ‘вбитый, напр. кол’ на базе и.-е. **kou-no-* ‘кованный, (в)битый’, образование, по древности сравнимое с древними топонимами лат. *Kainas*, парагреческое Καῖνος. Если я не ошибаюсь, вопрос вообще привлекал мало внимания. Еще из области старых причастий: причастие на *-тъ* **groтъ* < и.-е. **gʰro-to-/gʰra-to-* от **gʰer-* ‘пожирать’; от той же глагольной основы – старое причастие настоящего времени страдательного залога **gromъ(jъ)* II (только русск.-цслав.), сюда же и.-е. **gʰrōm-*, название поедаемой пищи.

Из области префиксов следует упомянуть в разной степени архаичные, как бы нерегулярные *a-*, *ka-/ko-* и особенно любопытное *ol-*, обнаруживающее связи с индоевропейским указательным местоимением. Дославянской индоевропейской древностью отдает констатация суперлативного адъективного форманта *-imo-* в слове **golѣтъ* или разных случаев “мертвой” с точки зрения славянской морфологии флексии *-s*, например, в **junоѣsa-sъ* (если из **jouynos*) или, скажем, в **nasъ*.

Главный профиль и исследовательский аспект нашего ЭССЯ – **этимология**. Определенную продвинутость этимологического анализа в той форме, в которой он представлен в Словаре, призваны обеспечивать **семантическая реконструкция и типология**. Взаимосвязь всех этих аспектов и словообразования не требует доказательств. Разумеется, дальнейшая конкретизация и показ их не может не создать некой мозаической пестроты, и все же на это нужно пойти в расчете на полезные выводы и обобщения, которые может дать опыт этимологических этюдов, весьма различающихся между собой, в некоторых случаях – беспрецедентно обширных, критичных к традиции и настроенных на новизну взгляда. Трудно обойти молчанием и то обстоятельство, сродни человеческому фактору, как это сейчас называется, что, как известно, первые тринадцать выпусков ЭССЯ были выполнены индивидуально (на основе коллективно собранных материалов) самим автором этих строк, он же главный редактор целого. В дальнейшем и авторство частей Словаря стало коллективным, что имело свои плюсы, гарантируя Словарь от случайностей жизни. В остальном, если смотреть на вещи трезво, это неизбежно влекло за собой и множественность подходов, которую, уважая авторство отдельных партий Словаря, главный редактор не считал возможным нивелировать, оставляя, впрочем, за собой всякий раз и право выбора в смысле предпочтения того или иного этимологического решения и шире – метода изложения, подачи и аранжировки материала, критики литературы вопроса. Иногда, правда, дело принимало характер вторжения главного редактора в авторский этимологический анализ, почему-либо неудовлетворительный, или, скажем так, остановившийся на слишком раннем, недосказанном уровне, тогда как и из внимательного чтения литературы уже брезжило более глубокое решение вопроса, как в случае **lъnъ* ‘лен’, где в итоге к авторскому тексту было найдено нужным прибавить то, что обозначено как “Дополнения О.Н. Трубачева” и дано в квадратных скобках, как во времена работы над словарем Фасмера: “Возможно, в этом членении (**lъ-no-* в словаре Покорного. – О.Т.) отразилось знакомство автора с гипотезой А. Фика о родстве названия льна с и.-е. **lei-* ‘лить’, при первичной мотивации ‘намоченный’, обусловленной существенным этапом обработки льна – его мочкой, см. Fick³ II, 249, а также Walde – Hofm. I, 811. Именно это толкование, долгое время даже не упоминавшееся в этимологических словарях, получает теперь

признание и развитие: структура **lino-* объясняется как причастие страд. прош. вр.; тождественная семантическая модель обнаружена в др.-инд. *umā* 'лен', для которого установлено происхождение из и.-е. **lmo-* 'сырой, наможенный', ср. лат. *ūmere* 'быть влажным', см. W. Steinhauser – Die Sprache 22, 1, 1976, 32–36, а также лит. жем. *ūmas*, ж.р. *ūma* 'сырой, свежий, непросохший', см. О.Н. Трубачев – Baltistica XVI, 2, 1980, 118–119. Ср. также праслав. **lьnъ* с блр. диал. *лайнó* 'отходы при обработке льна' (см. **lajno*).

Не следует заранее ограничивать (достижимую) глубину этимологии, оперируя для русского, для славянского материала тем, что в свое время предлагали называть "ближняя этимология", порой отождествляя это с возможностью работать – для русского, для славянского – в рамках целого слова и оставляя на долю более глубоких этимологий корневые дали. Это способно обернуться ошибкой и необдуманным конфузом. Классическим примером этого рода может послужить русск. *лопух*, *лопухий*, совершенно прозрачное, казалось бы, сложение, короче, слово без истории (есть, правда, свидетельство 1500 г., отчество *Лопухов*). Однако у этого обозначения неказистого существа, человека с оттопыренными ушами (прочие, переносные употребления можем оставить) есть прекрасный индоевропейский фон, вплоть до реконструкции и.-е. **lelop(o)-ous-* 'листо-ухий', часто – о зайце, ср. лат. *lepus/leporis* (**lep-bis-*) 'заяц', лит. *lėpausis*. Как это изначально экспрессивное слово уцелело в своей прозрачности (ср. обычное представление о частой смене и недолговечности экспрессивной лексики), к тому же, если вспомнить о зайце как классическом объекте табуистических наименований (ср. русск. *косой*, наличие в славянском общего нового, иноказательного названия именно для зайца – **zajecъ*, что-то вроде 'разверсто-ротый'), ср. феномен заячьей губы), остается загадкой.

Словарная статья этимологического словаря – понятие растяжимое, обычно ассоциируемое с ней представление краткости не подходит к случаям слов немалой этимологической сложности и большого культурного веса. Один такой пример кажется полезным привести, не скупясь на место. Речь пойдет о слове **medъ*, *мед*, замечательном своей краткостью и наличием одного единственного значения. Далее – из ЭССЯ 18: 69 и сл.: «Можно думать, что древние индоевропейцы познакомились с медом раньше, чем с молоком, что следует также из соображений культурной типологии: мед диких пчел обратил на себя внимание людей еще на стадии примитивного собирательства, то есть, по-видимому, задолго до появления молочного скотоводства. Потом обе отрасли сливаются в единую базу благосостояния, а избыток меда и молока превращается в устойчивый образ, символ всяческого изобилия вообще, при вероятном примате именно меда в этом двойном символе, что интересно с разных точек зрения (другое устойчивое речение – русск. *мёд-пиво*, слав. **medъ* – **pivo*, вар. **medъ* – **olъ*, ср. лит., лтш. *medus* – *alus*, см. о них R. Eckert ZfS 27, 3, 1982, 338, адресовано только к хмельному меду и тем самым – вторично, ср. ниже об этом). Разумеется, мед с самого начала и тоже надолго, в сущности навсегда, явился для индоевропейца эталоном сладости, можно сказать, само понятие 'сладость, сладкий' производно от 'медовый'. Вероятно, и понятия 'хмельной, пьяный', а также 'вино' тоже, в свою очередь, производны от 'мед'. Все эти значения наличествуют в древней и.-е. терминологии меда, и их равная соположенность, а также относительная древность как одних, так и других приводят исследователей иногда к мысли, что древним было значение 'хмельной мед, медовый напиток' тем более, что в ряде случаев с древности наличествует только оно, а не значение '(пчелиный) мед', относящееся к сырому продукту. И все-таки первично, разумеется, значение '(пчелиный) мед' в силу своей "натуральности", тогда как значение 'хмельной медовый напиток' вторично как более сложное культурно, хотя идея брожения дикого меда стала известна очень рано и, возможно, именно такой мед бросился в глаза впервые древнему охотнику, а может быть – и был назван в соответствии с этим качеством, поскольку в основу и.-е. названия (или названий) меда

могла лечь лексически выраженная идея вытекания, перетекания (даже бушевания, то есть ферментирования, см. ниже).

Обычно реконструируют и.-е. **medhu-*, к которому наряду со слав. **medъ* восходят лат. *medūs* 'мед', лтш. *medus* 'мед; напиток', др.-прусс. *meddo* 'мед', нем. *Met* (др.-в.-ном. *metu*) 'напиток из меда', др.-исл. *mjǫðr* то же, англ. *mead* (др.-англ. *meodu*) то же, др.-ирл. *mid* 'медовый напиток', ср.-ирл. *medb* 'опьяняющий', греч. μέθυ 'хмельной напиток', производное μεθύω 'напиваться допьяна', др.-инд. *mádhu* 'мед; сладкий опьяняющий напиток', авест. *maði-* 'вино', осет. *myd/mud* 'мед', согд. *mdw* 'вино', перс. *mau* 'вино', тох. В *mit* 'мед'. Хотя *-u*-исход основы и.-е. **medhu-* довольно устойчив и прослеживается в разных, в том числе слав. языках (**medъ*, род. п. **medu*, формы **medv-* в сложении **medvǣdъ*, **medv-*, **medov-* в производных, см. также Н. Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic 158), он все же, по-видимому, функционально обусловлен, ср. вероятность первоначальной адъективности формы и.-е. **medhu-* как прилагательного на *-u-* (ср. Pokorný I, 707, хотя это первобытное прилаг. этимологически едва ли значило 'сладкий', что было бы модернизацией, см. выше). Древние заимствования из индоевропейского – финно-уг. **mete-*, **mede-* (о противоположном направлении заимствования см. R. Gauthiot. Des noms de l'abeille et de la ruche en indo-européen et en finno-ougrien. – MSL 16, 4, 1910, 269–270) не содержат никаких указаний об основе на *-u-* (как, впрочем, и о придыхательности согласного). То же можно сказать и о др.-кит. *mjět* 'мед', которое, вслед за Поливановым, объясняют как заимствование из и.-е. диал. формы типа тох. В *mit*, хотя это более поздние формы, чем вышеупомянутые финно-угорские, с характерной для последних лучшей сохранностью конца основы.

Ряд слав. форм гнезда **med-* позволяет допускать древнее наличие не только *-u*-основы, но также *-o-* основы **medo-*, ср. **mediti*, **medьnъ* (см.). С этой слав. формой названия меда, возможно, продолжающей древний и.-е. вариант слова, заимствованный, в частности, в финно-уг. **mete-/mede-*, может быть связано слово в греч. передаче μέδος, название напитка, которым угощали около середины V в. византийского посла Приска жители Среднего Подунавья, очевидно, славяне (см. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, 202; О.Н. Трубачев ВЯ 1984, № 3, 23–24).

Особую проблему представляет наличие форм греч. μέλι, род. п. μέλιτος 'мед', лат. *mel*, род. п. *mellis* то же, хетт. *melit* 'мед', гот. *miliþ*, с общей праформой **mel-i-t* (вар. **mel-n*). Трудно отделаться от мысли о связи между собой и.-е. **medhu-* и **melit-*, к тому же, в языках, где есть **melit-*, форма **medhu-*, как правило, отсутствует, несмотря на исключение греческого, где есть также μέθυ, μεθύω. Характерно, что **melit-* практически не имеет этимологии, см. Walde – Hofm. II, 62; Frisk II. 201; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque III, 682. Чем вызвана затемненность происхождения и.-е. **melit-*, и абсолютно ли это безразлично для вопроса об и.-е. **medhu-*? Высказывалось, например, мнение о том, что чередование *dh : l* не свойственно для и.-е. языков. Однако, если позволить себе усомниться в изначальности придыхательного в и.-е. **medhu-*, то отношения *d : l* достаточно историчны для и.-е. диалектов, причем *l* каждый раз вторично, ср. "сабинское" *l* в лат. *lingua* (вм. *dingua*), *levir* (вм. *devir*); примеры могут быть приведены и из других частей и.-е. ареала. Любопытно, что алт. (тюрк., монг.) *bal* 'мед' заимствовано, как считают, из формы, близкой др.-инд. *madhu* 'мед' (M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, 59). Не подсказывает ли этот факт внешней лингвистики, что переход **med- > *mel-* мог осуществиться уже внутри и.-е. ареала? Известная нерегулярность предполагаемого явления может быть связана не столько с семантич. расщеплением 'мед' – 'напиток из меда', сколько с особенностями культового языка, которые могли сказаться на терминологии меда, с самого начала занявшего видное место в верованиях и жертвоприношениях. Все это имеет

отношение и к этимологии **medhu-*, которая до сих пор не продвинулась далее констатации родства известных продолжений этого названия меда по языкам.

Для заключения о заимствовании и.-е. **medhu-* из семит. **m-t-k* 'сладкий' (так см. Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы II, 874) нет достаточных оснований, хотя содержащееся там предположение об отражении комплекса *-tk-* как и.-е. *dh* подводит некоторым образом к мысли о незначительности этой придыхательности. Неудача семитской этимологии проистекает из факта вторичного развития знач. 'сладкий' на самой и.-е. почве из совершенно других первоначальных значений, которые легли в основу значения 'мед' и лишь после этого дали значения 'медовый, сладкий'. Поиски истоков этимологии и.-е. **medhu-* нужно продолжать. Оставляя в стороне несколько эквилибристическую метатеэную этимологию Отрембского, связывавшего **medhu-* с и.-е. **dhūmo-* 'дух, дым и т.д.' (Otrębski. *Studia indoeuropeistyczne* 173), которая, кроме формальных недостатков, грешит все той же заданной первоначальностью значения 'опьяняющий напиток' для **medhu-*, обратим внимание на старое еще сближение **medhu-* с архаическим корнем и.-е. **mad-* (др.-инд. *mādati* 'бурлить, веселиться', авест. *maða-* 'хмельное питье, опьянение', греч. *μαδάω* 'распыливаться', лат. *mado* 'быть влажным, сочиться'), см. Zeys. *Méle*, mcl. – KZ XVI. 1867, 384. Эта этимология подкрепляет реальную версию о том, что пчелиный мед привлек внимание как жидкость, подверженная ферментации (ср. 'бурлить, сочиться, переливаться', выше). Сближение и.-е. **medhu-* с и.-е. **mad-* 'бурлить, переливаться' с непосредственным результатом **medo-* и последующей экспрессивной (сакральной?) аспирацией **medho-* с дальнейшей деривацией **medh-u-*, **medh-u-o-* находит подтверждение в одном достаточно старом слав. названии меда и.-е. происхождения, не нашедшем отражения в подборке синонимов "Honey" в известном словаре Бака: я имею в виду др.-русс., сербск.-цслав. *сѣрьдь*, словен. *střd*, ст.-чеш. *střed* 'густой мед',

польск. *stredź*, родственные нем. *Strudel* 'водоворот' и греч. *ῥόθος* 'шум волн', вместе с которым слав. слова продолжают и.-е. **sr-e-dh-os*/**sr-o-dh-os* к **ser-* 'струиться, вытекать' (см. о слав. слове: Фасмер III, 772–773; Machek² 581, с отличиями в толковании; Brückner 518: *stredź*, см. *struga* 'струя'). При этом **sredho-/srodho-/medho/u-* оказываются как бы рифмованными образованиями с аналогичным развитием значения 'мед' из первонач. 'вытекание, бушевание'.

Чтобы немного продвинуться в понимании этих вещей или, по крайней мере, того, как они интерпретируются в нашем Словаре, кажется целесообразным продолжить цитацию, в данном случае – статьи о **melko*, молоко (ЭССЯ 18: 85 и сл.):

«Праслав. **melkō* имеет окончательное ударение, ср. русск. (и другие вост.-слав.) *молоко́* и сербохорв. чак. *mlikò*... Такая позиция ударения, наряду с некоторыми другими особенностями (см. ниже), свидетельствует о производном характере слав. слова, а в равной мере – о его исконном, незаимствованном происхождении. Ударение русск. *моло́ка*, *моло́ки* мн. фиксирует дальнейшую производность этих форм на базе ед.ч. *молоко́*, будь то противопоставление вторичного плюраля первоначально универсальной форме ед.ч., сохраняющей этот характер в подавляющем большинстве случаев до сих пор, или лексикализация особого семантического употребления акцентологическими средствами врди (**melkō* → **m ēlk-*). Если сюда прибавить правильное чередование гласных между **melko* и **molka*, **molkya* (см. s.vv.), то станет вполне очевидно, что **melko* – исконнослав. элемент лексики. Поэтому, как бы ни объяснять бросающуюся в глаза близость слав. **melko* и прежде всего герм. названия молока (гот. *miluks*, др.-в.-нем. *miluh*, нем. *Milch*, др.-сакс. *miluk*, англ. *milk*), старая версия о заимствовании из герм. в слав., видимо, должна быть отклонена. Она с самого начала основывалась на имеющем якобы место отклонении консонантизма слав. **melko* от слав. глагола 'доить' – **melzti* (см.), причем отклонение это – *k*, вм. *z* (и.-е. *ǵ*) – напоминало герм. передвижение. См. С. Lottner KZ XI, 1862. 172;

C.C. Uhlenbeck. Die germ. Wörter im Altslavischen. – AfslPh XV, 1893, 489; Miklosich 187; J. Peisker. Kdo byli naši předkové a co jsme po nich v sobě zdědili. Praha, 1921; Machek² 368.

Но форма **miluk* (ж.р.), реально представленная в germ. языках, достаточно далека от слав. **melko* (ср.р.), и она дала бы только слав. **mьльсь* или **mьльсьь*, как на то справедливо указал еще Р. Брандт РФВ XXII, 1889, 252–253. Положения не спасает и то, что реконструируемая прагерм. форма **meluk* – ‘молоко’ визуально как бы ближе к слав. **melko*.

Главное, что позволило по-новому взглянуть на судьбу слав. (и germ.) названий молока, это констатация отсутствия у него связи с соответствующими терминами доения в этих языках. Теперь признано, что нем. *Milch* ‘молоко’ не родственно нем. *melken* ‘доить’ (так см. Kluge²⁰ 478, 473). Равным образом этимологически ничем не показательно отношение слав. **melko* и **melzti*, **melzivo*, хотя отношение это пытались использовать не только сторонники germ. происхождения слав. **melko* (см. выше), но и те, кто выступал в защиту исконного происхождения. См. J. Kirste. *Mlěko*. – AfslPh XII, 1889. 307 и сл. (о возможной дослав. дублетности *melk* – *melg*); V. Jagić. Ist mľěko – mľěko ein Lehnwort? – AfslPh XI, 1888, 308–309; С. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици. – СбНУ XXV, II, 1909, 81; А. Соболевский РФВ LXVI, 1911, 342 (высказывает мысль о слове **melko* как ум. образовании с суф. *-k-* на слав. почве); R. Jakobson “Word” 11, 1955, № 4, 613 (в отношениях форм *молоко*: *молозиво* допускает даже участие мотивов табу).

Мнение об отсутствии связи между слав. **melko* и и.-е. **melǵ-* ‘доить’ оказалось возможным подкрепить фактом значительного расхождения названий молока в разных и.-е. языках и полным отсутствием связи с **melǵ-* ‘доить’ у лат. *lac*, греч. γάλα/γάλακτος, др.-инд. *páyas*, лит. *píenas*. См. Verneker II, 34. Таким образом, общее и.-е. название для молока не выявлено, и его, видимо, не существовало, а известные достаточно древние названия молока выразительно региональны и, кроме того, не связаны с лексикой типа ‘доить’, ‘пить’ (возводить к первоначальному термину ‘пить’ такие, например, названия молока, как др.-инд. *páyas*, лит. *píenas*, было бы слишком прямолинейно, здесь правильнее говорить об исходном значении ‘набухать’, ср. др.-инд. *páyate*). Этимологически вскрываемое отсутствие антропогенных мотивов называния молока (ср. выше отсутствие производных от глаголов ‘доить’, ‘пить’) заставляет относиться скептически к утверждениям о развитии молочного хозяйства у древних индоевропейцев (как см. Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы II, 869), ср. высказывавшиеся ранее мысли о неиспользовании молока древними индоевропейцами (притом, что крупный рогатый скот у них уже был) как отражении стадии их культурного развития, см. Трубачев. Дом. жив. 8–10.

Верную этимологию и архаическую семантическую предысторию слав. **melko* нащупал, скорее всего, Брюкнер, указавший на родство с праслав. **molka* (см.), откуда сербохорв. *mlaka* ‘место, где вода вытекает из земли’, сюда же, далее, польск. *mlókicina*, др.-русск. *молокута* ‘болото’, *pamlōka* ‘туман, облако’. См. A. Brückner KZ XLV, 1913, 104–105; Brückner 340 (“...от праслав. названия для всякой текучей жидкости”). Видимо, сюда же правильно было отнесено лтш. *mālks*, *mālka*, лит. *malkas* ‘глоток при питье’, см. J. Endzelin KZ XLIV, 1911, 66 (= J. Endzelins. Darbu izlase II, Rīgā, 1974, 398). См. еще Б.М. Ляпунов ИОРЯС XXX, 1926, 15–16; Trautmann BSW 177; А.М. Селищев ИОРЯС XXXII, 1927, 308; F.R. Preveden “Language” 5, 1929, № 3, 152–154; Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus dem Germ. 45–46; Фасмер II, 645–646 (в дополнениях О.Н. Трубачева, там же, развивается мысль о germ. происхождении слав. слова, что сейчас имеет смысл пересмотреть. – О.Т.); Skok. Etim. rječn. II, 443; Bezlaj. Etim. slovar sloven. jez. II, 188–189. Между прочим, Фасмер (там же) оспаривает связь перечисленных выше слов с лит. *mālka* ‘дрова’, однако последнее явилось, по-видимому, фигуральным обозначением дров (обычно во мн. – *mālkos*), основное же значение этого *mālka* – ‘куча, навал’ (см. Fraenkel I, 401), и едва ли необходимо

отделять это лит. *málka* от уже упомянутого *maĩkas* 'глоток при питье' в угоду обязательным сближениям *málka/málkos* с другими названиями дров и мелких щепок, подробнее см. Graenkel, там же. Здесь уместно вспомнить русск. диал. *молѡка* ж.р. 'хороший строевой лес'..., тождество которого с лит. *málka* 'куча, в том числе куча дров' трудно отрицать, вплоть до производного акутового ударения в лит. и русск. слове. Далее, сюда же см. под реконструкцией **melk-* 'сырой, сырость' в словаре Покорного (Pokorny I, 724): греч. μέλκιον· κεύνη (Гесихий), гот. *milhma* 'облако' (следуют уже известные выше слав. **melko*, **molka* и родственные балт. слова).

И.-е. **melk-* – потенциальная производная форма, и этот ее статус сохраняется на стадии слав. **melkó* с его наконечным, мотивированным ударением. Как уже предполагали некоторые исследователи (выше), *-k-* в составе **melk-* выступает в роли суффиксального элемента. По всей видимости, это *-k-* оформляет глагольный корень, однако маловероятно (семантически и функционально), чтобы это было и.-е. **mel-* в известных нам значениях последнего. Кажется допустимым в этой связи предположение о первоначальном **med-k-*; последовательность согласных *-dk-(-tk-)* неустойчива в индоевропейском и подвержена изменениям. На характер изменений повлияли семантические и формальные особенности самого корня, уже известные из других контекстов. По-видимому, это было и.-е. **med-/mad-* с более поздним вариантом **mel-* и значениями 'вытекать, разливаться; набухать', уже известное нам по случаю **medъ* (см.). Эти исходные значения объясняют семантику известных выше разновидностей продолжений **melk-/molk-*. Аналогию вскрываемой семантике 'вытекания', 'набухания' можно указать и в инокоренных названиях молока – лит. *pienas*, др.-инд. *payas-*, авест. *payah-*, др.-инд. *kṣīra-* (последнее – из и.-е. **sr-/ser-* 'течь, вытекать' с преформантом *k-*). Названные глагольные корни встречаются в и.-е. обозначениях меда, культура которого во многом перекрещивается с культурой молока у индоевропейцев.

О гипотетическом отражении в форме *A m a l c h i u s* Oceanus (Plin. NH IV. 95: "mare congelatum") предпраславянского **mālkjā-* в его коннотациях как с молоком, так и с замерзающей водой см. О.Н. Трубачев ВЯ 1985, № 5, 13–14».

Острый культурно-исторический интерес знаменует и другие статьи Словаря. Например, слав. **mešo* характеризуется как остаток древних, индоевропейских отношений, даже, можно сказать, сознаваемый остаток. Оно не только родственно этимологически ряду синонимов 'мясо' в других индоевропейских языках, на обзоре которых как правило останавливается этимологический анализ ('первичная вокабула'), но и практически до сих пор выразительно участвует в оппозиции 'мясо' – 'плоть' (слав. **mešo* – **plъть*), что имеет место далеко не во всех языках, ср. случаи, где оппозиция названного вида снимается ввиду совпадения (лат. *carō*, нем. *Fleisch*). Значение 'плоть' как первоначальное 'нарастающий слой жи в о г о тела' (ср. слав. **plъть*, этимологически – 'наплыв') противопоставлено значению 'мясо', первоначально, видимо, – о сы р о м мясе. Таково свидетельство и реконструкции: **mešo* – из и.-е. **mēms-/memas-*, с констатацией в последнем (неполной) редупликации **me-ems-/m-emas-*, а главное – этимологического родства с греч. ὠμός 'сырой', др.-инд. *āmah* то же, сюда же и индоевропейское название плечевого сустава. Так что и.-е. **ōm(ə)so-* первоначально – 'кусоч (часть) сырого мяса', преимущественно 'плечевой сустав'. Гамкрелидзе и Иванов в своем известном труде, видимо, ошибочно полагают, что и.-е. **mēms-o-* 'мясо' нейтрально по отношению к признаку 'сырой' – 'несырой, вареный', ср. сюда др.-инд. *māms pácana-* 'варящий мясо', что все-таки указывает на первоначальную сы р о с т ь варимого. Славянские переводчики Святого Писания, похоже, отлично чувствовали эту культурную семантику 'мяса', почему мы не найдем случая ***и слово стало мясом**, но только: слово стало плотью; (вар. польск.) *A słowo stało się ciałem*.

Конституирующее для традиционного славянского общества слово-понятие **mirъ*.

мир – ‘община, общество’, вторично – ‘весь свет’ – элементарно тождественно **mīrъ* ‘согласие, полюбовный союз, дружба’, целиком основывается на последнем, в духе соборности как параметра славянского самосознания и мирозерцания. Ср. и близкое этимологическое родство **mīrъ* и **mīlъ*, милый. Культурно-орфографическое разграничение единого русского *мир*, действовавшее в течение долгого времени, таким образом, совершенно неоправдано. Кстати, для понимания статуса слав. **mīrъ* отнюдь не безразлично отклонение презумпции влияния на него со стороны др.-ир. *mīdra-*, специально – стадии **mihra-*. Последнее исключается, поскольку является продуктом западно-иранской фонетики, а иранцы, с которыми исторически контактировали славяне, были скифами и сарматами, генетически – восточными иранцами, в языке которых сочетание *-ir-* (напр., в ир. *mītra-*, *mīdra-*) либо долгое время сохранялось, либо позднее давало *-rt-* (ЭССЯ 19: 56–57).

Этимология дает в руки прекрасный критерий филиации понятий, выявляя родство яковы схожих и неродство “близких” понятий. В таком критерии явно нуждалось изучение отношений понятий-значений ‘большой’ и ‘много’. Во всяком случае на их близости построена этимология Махека для слова **mъnogъ*, которое он пытается, по-своему остроумно, объяснить метатезой первоначального **mъgnо-*, ср. лат. *magnus* ‘большой, великий’, греч. μέγας ‘большой’. В действительности же нельзя не обратить внимание на большое разнообразие и своеобразие способов образования лексемы и семемы ‘много’, на практическое отсутствие у них пересечений со способами образования лексем ‘большой’ и на местный, часто поздний характер лексемы ‘много’ по языкам: франц. *beau coup* ‘много’ < ‘красивый удар’, блр. *шмат* ‘много’ < ‘(большой) кусок’, укр. *багáто* ‘много’ < ‘богато’ и т.д. (примеры можно продолжить, отметив, что иногда они переходят уже в область эфемерных инноваций вроде русского разговорного *полно́*, сербохорв. *ripо* ‘много’ и даже таких, как русск., укр. просторечные *туча*, *хмара*). Только после таких или сходных оговорок в ЭССЯ 20: 231 делается осторожная попытка проэтимологизировать слав. **mъnogo* на базе и.-е. **men-* ‘давить, мять, сжимать’.

У современной этимологии есть довольно разнообразные и гибкие возможности отбора (контроля) и ригоризации этимологических идей. То, что эти возможности порой до последнего времени лежат втуне, а исследователи и составители словарей преобладают цитацией старых (и очень старых) курьезов, к сожалению, преодолевается с трудом. По-прежнему в случае со словом **muxa*, *муха* нас отсылают к объяснениям ‘жужжащая’, ‘жалящая’, относительно слова **mъxъ*, *мох* шлют еще дальше – к и.-е. **mi-/mei-* ‘нечистый, грязный’, гнездо **myti*, к обозначению плесени, слово **mъxъ* либо вообще считают изолированным, либо – по сходству с др.-инд. *muṣṇāti* ‘красть’ – реконструируют как ‘та, что крадет, воровка’, что давно и вполне оправданно вызывало сильные сомнения у тех, кто коллекционировал подобные объяснения. А Педерсен сделал вообще отчаянный вывод: “Если более старым значением этого гнезда является ‘плесень’ (речь шла о слове **mъxъ*, куда, действительно, принадлежит и болг. *мъхъл* ‘плесень’ – О.Т.), то его можно производить от и.-е. **mūs*; похоже, что все похитители съестного были названы ‘мышами’”. А между прочим, начинать надо с формальных отношений: речь идет об апофоническом ряде **mūs*:- *mūs*:- **mous-*, куда, действительно, относятся и муха, мошка, и мышь, и мох с плесенью. Если с мохом, в сущности, все ясно, одно из значений слова – ‘болото’, в номенклатуре болот обычное дело – обозначение ‘серое, сероватое, белое’, ср. **holto*, *болото*, лит. *pėlkė* ‘болото’ (букв. ‘серое’), то с мухой и мышью положение несколько более сложное, но тоже не безнадежное. Это докучливые живые существа, и, обозначая их, человеку надо было быть уклончивым, чтобы не накликать зря ни тучу мух, ни полчища мышей. Пришлось прибегнуть к табу, которое, по нашим наблюдениям, вообще изначально, что называется – древнее самой лексики. Выручил вышеназванный словообразовательно-апофонический ряд, который на одном конце был употреб-

лен в прямом смысле ('болото', 'болотный мох' – 'серый'), а на другом использован как табуистическое обозначение: 'мышь' – 'серая', 'муха, мошка' – 'серая'. Не следует также игнорировать и отчаянные подсказки, которые давно делает нам сам язык: лит. *pelė* 'мышь' значит 'с е р а я', только выражено это местными средствами литовского языка. За подробностями отсылаю к ЭССЯ 20: 172, 217–218; 21: 66.

Как и всегда, главный аспект, главная проблема славянской этимологии – отношение славянского и индоевропейской базы, характер перестройки форм и значений. Добиться серьезных результатов здесь непросто, и наш Словарь отражает эти поиски, их удачи и неудачи. Примером того и другого может служить статья о слове **nagľь, наглый* (разнообразные значения) (ЭССЯ 22: 33–37), где составитель, как это сейчас очевидно, не вполне справился с материалом и критикой этимологии. Речь, разумеется, может идти только о едином слове, а не о **nagľьbь I* и **nagľьbь II*. "Барьер взаимопонимания" между славянским и индоевропейским, безусловно, оказался нарушен, как и во многих других случаях, но любопытно, что нарушение формального тождества оказалось очень незначительно, хотя в плане семантики последовал весьма принципиальный сдвиг и переход от простейшего индоевропейского значения к расцвету новых, во многом экспрессивных славянских значений. Слав. **nagľь* элементарно диссимилировано из и.-е. **nagn-* – диалектного, иранского типа слова с значением 'нагой, голый', оказавшись близкородственным славянскому же **nagь, нагой*. Исходное значение 'нагой, голый', при всем своем единстве и единственности, было достаточно емким, чтобы дать на славянской почве целый куст экспрессивных значений 'гневливый, вспыльчивый, очень злой, бесстыдный, нахальный, очень быстрый, внезапный', с семантической сердцевинкой 'бесстыдный'. отпочковавшийся от ситуации эпатации наготой, выставления ее напоказ, эффективный жест во все времена...

Преемственность славянского и индоевропейского оборачивается нелегким вопросом, в свою очередь, в сфере служебных слов. Из числа последних можно обратить внимание на судьбу славянского предлога **na* (ЭССЯ 21: 185–186). Эта простая форма с простыми значениями 'на, super' (вторично побудительное 'возьми, получай'), на первый взгляд, нигде больше за пределами славянского не представлена, на самом деле обнаруживает классический индоевропейский фон. В своей классической сохранности индоевропейский прототип представлен прежде всего в греч. *ἀνά* 'снизу вверх', *ἄνω* 'вверх', ср. далее гот. *ana* 'на, над', др.-в.-нем. *ana* (нем. *an*) 'на', авест. *ana*, др.-перс. *anā* 'на, над', которые указывают на исходное **anō*. Обращает на себя внимание типично славянская начальная апокопа **anō > *na*, наблюдаемая в слав. **ro < и.-е. *aro* и других случаях. Лишь в отдельных единичных случаях, изолированных этимологически, индоевропейское гласное начало всплывает, ср. приставку в слав. **on-utja*. Славянские и балтийские формы связаны достаточно сложными отношениями, ср. лит. *piñ, pi-* с противительным значением 'от' и праформой **pñ*, лтш. *piñ* 'от', при др.-прусс. *po, na* 'на'. На этом фоне выделяется лит. *anót* 'согласно, в соответствии с' – наличием полного *apo-* и положительностью значения.

Конденсированный характер языкового отражения, языковой картины, который, как считается, дает словарь, сравнительно с текстом, обеспечивает все тот же алфавитный порядок, которому подчинены и большие единицы словаря и меньшие подробности, которые, в остальном будучи разрознены, именно и дают в своей массе названную языковую картину. Такого рода несколько более детальные наблюдения накопились и у нас. О них – без лишних слов – в порядке алфавита.

В большой корневой группе *lor-* отметим чистое **lorьbь II* (болг. диал.), название растения, тождественное лит. *lāpas* 'лист'. Упоминания всегда заслуживает **ložesno* 'матка, утроба (матери)' с его красивым отношением к **lono < *logsno*. Пример **ložiti* полезен наглядным разграничением грамматической функции (каузатив к **leg'i*) и фактическим словопроизводством от имени **logь*. Точно так же – далее – глагол

lqčiti* 'разделять, разлучать; соединять', характеризуемый грамматически как итератив к **lqkti*, на самом деле словообразовательно произведен от имени **lqkь* 'лук, дуга, изгиб'. Др.-русс. и русск. диал. **lqkomorъje* – замечательное сложение, не менее замечательное своей древней географической привязкой к северо-западному углу Азовского моря с характерными заливами и косами (ср. таврические коннотации слова *лукоморье* у Пушкина). Изоглоссное **lqko(v)ętь* (чеш., русск. диал.) 'обод колеса, задняя часть сохи' образует сложение, параллельное **rqko(v)ętь* **rqkojętь* 'рукоять'. Слово **lučiti* замечательно как бы "веерным" развертыванием первоначального значения 'осветить' → 'целиться при свете, попасть в цель, находить, получить'. Классическое по четкости своей реконструкции слово **luna* I 'луна' < *luxna* < **louksnā*, ср. близкие по архаическому звуковому составу др.-прусс., древнеиталийские формы, лишний раз своей эволюцией доказывает, что оно не заимствовано из лат. *lūna* (что дало бы слав. **lyna*). Довольно многочисленные отражения имен **lupogolva*/lupigolva* в топонимии могут восходить к соответствующему племенному (устрашающему) имени 'сорви-голова'. Некий семантико-типологический ряд 'сдирать, лупить' → 'черепная коробка' образуют праслав. **lъbъ* 'лоб, череп' < **leubh-* 'лупить', как и **čerpъ* < **sker-* и даже **čaša* < **kes-*. Название ложки **lъžica* I со своим происхождением от 'выдалбливания' вполне непротиворечиво становится в один ряд с аналогичными, хотя этимологически другими названиями ложек в индоевропейских языках, прежде всего англ. *spoon* < 'щепка'. Народнокалендарное **lъži-travъ* (болг.) 'месяц апрель', собственно 'обманывающий травы' или 'ложнотравянистый', представляет собой еще один оригинальный продукт славянского именотворчества и словообразования-сложения.

Антропоним-топоним **lybēdъ* (др.-русс., русск., укр.) поставлен в связь с глаголом **lybiti* (*se*) 'улыбаться', то есть речь прежде всего идет о личном имени собственном, по Начальной русской летописи – девичьем и антропологически характерном для круглолицего, мезокранного брахикефального славянства Поднепровья. Популярное осмысление имени летописной девушки в связи с *лебедь* ошибочно, как о том уже говорилось в других местах. Продолжается ряд **lyža* II – **lъžica*, где орудие для передвижения по льду–снегу и столовый прибор роднит прародство с плоской частью полена. Глагол **lypēti* объединяет весьма различные продолжения, из них блр. *lupéć* 'еле жить' как бы помогает раскрытию древней семантики и этимологии германских глаголов 'жить' – гот. *liban* 'жить', нем. *leben* и др. – не из 'оставаться', а из первоначального 'едва держаться за что-либо'. Производные **malota*/**malotja*, а также **maleta*/**maletja*, прежде всего – соответствующие йотовые расширения, специально объединяют сербохорв., укр. и блр. образования с этим вторичным расширением, которое раньше считали исключительно сербохорв. новообразованием. Очень сложной оказывается формальная предыстория слав. **mazati*, *мазать*, с одной стороны – ср. герм. **makōn* 'делать (строить)' из первоначального 'месить (глину), лепить', а с другой стороны – и.-е. **ng̥-/ang̥-/amg̥-*. Ряд отношений дополняет румынское *mînji*, заимствованное из незасвидетельствованного слав. диал. **maz-*, возможно, дакославянский реликт.

Очень сложное этимологически важное в культурно-историческом отношении слово **mečь/тъчъ*, *мечь* получило, кажется, в последней версии в ЭССЯ свое адекватное толкование на фоне большой литературы. Это, конечно, культурное заимствование, но осуществленное не на Востоке, а в Центральной Европе. Сверкающая белизна обнаженного длинного меча наложила отпечаток на его номенклатуру, почерпнутую у кельтов. Индоевропейская номенклатура 'середины'. 'среднего' по-разному результировала в славянском и балтийском, дав в первом из них название для межи, границы, **medja*, а во втором преимущественно – названия для 'леса' и 'дерева'. Еще праиндоевропейское, сложение **medhu-ed-* 'мед поедающий'

воплотилось прежде всего в праслав. **medv-ědb*, архаического вида. Но этот же состав и порядок корневых морфем воспроизводился и позже, в новых условиях. – **medojědb*. Что касается мотивов полного (может быть, за исключением отдельных темных топонимов) забвения праславянским индоевропейского **rkso-* ‘медведь’, еще живого в некоторых других языках, оно целиком вызвано страхом и табуистическим иносказанием древних. Так праслав. **medv-ědb* выступило в роли названия медведя. По-прежнему этимологически трудно название металла **mědb*, *медь*, о котором известно лишь то, что это праславянское новообразование (индоевропейским названием меди/бронзы было **ajos-*). Однако истоки этого новообразования все же неясны: цветообозначение? Даже яркая этимология В.И. Абаева – от славянского же названия страны **mědb* ‘Мидия’ – не снимает вопросов (греч. Μῆδος ‘мидиан, Мидия’, но ир. *Māda-* то же). Традиционно трудно и слово **měsєcь*, месяц в своих отношениях к и.-е. **mēs-*, **mēn-*, **mēns-* (от **mē-* ‘мерить’? от первоначального ‘менять’? или от **men(i)os-* ‘меньший’?). В общем, за редкими исключениями, трудности ожидают нас при встрече почти с каждым праславянским словом, взять, например, **město*, отличающееся неясным родством в индоевропейской древности и замечательной активностью в позднем терминообразовании (основное название города у западных славян!). Праслав. **mězinь* ‘малый, младший’, родство для которого указывают, не до конца удовлетворительно, в балтийской номенклатуре ‘малого’, формально возводимо к и.-е. **megh-* ‘большой’, но совершенно не знает этого последнего значения, совсем наоборот, что могло бы служить объяснением причины забвения и.-е. **megh-* ‘большой’ в славянском.

Проблемы, связанные с праславянским названием ‘(сырого) мяса’, мы выше уже решили, как нам кажется, в положительном смысле, но их хватает в старом производном **mezdra*: почему не **mes(t)ra*? Выход искали во вторичном наложении (сближении) глагола **der-* ‘драть’ (мездру дерут от кожи). До курьезности запутанными выглядят отношения **mlinь* I и **mlinь* II, причем из них первое – название мельницы – характеризуется как культурное заимствование с Запада, из лат. *molīnium*, возможно, через немецкое посредство (до того славяне мололи зерно на жерновах), а похожее на него как две капли воды **mlinь* II ‘лепешка, блин’ считается исконным суффиксальным производным (*ml-inь*) от глагола **melti*, молоть. Критической точки эта сложность достигает, когда мы встретим далее альтернативную реконструкцию **mьlinь*, якобы с ранней утратой -ь- в начальной позиции. В отношении семантической типологии интерес может представить праслав. **moldь*, *молодой*, широко распространенное прилагательное с одним значением ‘молодой’, однако при сравнительно-этимологическом, а также сопоставительно-типологическом изучении открывающее возможности для более углубленной реконструкции значения – ‘мягкий, нежный’, остатки чего сохраняются, между прочим, в старославянском: из *младь ногѣтии*, ср. до сих пор в русском – от *молодых ногтей* (в раннем детстве ногти сохраняют мягкость). В статье **morava* II (основное значение – ‘сырая луговина’) промелькнул, может быть, слишком мимолетно, среднедунайский гидроним Могача, связанный тесными узами со славянской этногенетической проблематикой. Праславянское название сильного холода – **morzь* – и его гнездо оказываются источником обозначений многих отрицательных (болезненных) особенностей и чувств, от лени до ненависти. Весьма трезва и реально-типологически оправдана старая уже мысль о том, что **mostь*, *мост* – это ‘то, что брошено, перекинуто’, то есть **mostь* – от **mesi* ‘бросать’, причем другие этимологии (от названия мачты?) только затемняют дело. Необыкновенно богато глагольно-именное гнездо **motati*, *мотать*. Здесь нет особого простора для этимологии, но зато раздолье словообразовательных связей, взять хотя бы исконное, старое диалектное **motorь*, **motorьнѣь* – о подвижном. Достаточно и сложений – **motovezь*, **motovqzь*,

**motovidlo*. По-прежнему проблемой в себе остается такое фондовое слово, как **mqdo*, все же тяготеющее к обозначениям мудрости, умственной силы, мужского начала – **mqdrь*, *мудрый*, и.-е. **men-*. Другое разросшееся лексико-семантическое гнездо – **mqka* I, *мукá* и производное акутовое **mqka* II, *мúка*, давнее родство которых с **mek-*, *мягкий* все же отчетливо просматривается, внесло свой заметный вклад в славянский словарный состав, главным образом по линии новообразований. Так, на семантической базе ‘мúка, мучение’ вполне логично надстроились новые значения ‘приобретение, имущество’, даже ‘домашний скот’. Праслав. **mqžь*, *муж* < и.-е. **manu-* ‘человек, мужчина’ возвращает нас – в дальней перспективе – к исходному **men-*, которое синкретически связано и с мыслительной деятельностью, и с мужской силой. Глагол **mьrdati*, в основном – южнославянский, спорадически в других славянских (‘шевелить, двигать’), оказывается производящим в отношении имени **mьrda* – русск. *морда*, в других языках – ‘гримасы’ и другие экспрессивные значения. Так отпала необходимость в старой формальной этимологии из ир. **mьr̥da-* ‘голова’.

Сгустком сведений по исторической грамматике представляется статья **my, мы*, тем более что местоимения – это область, где индоевропейское унаследованное и инновационное славянское переплетаются наиболее выразительно. Из всех известных этимологических попыток истолкования **myslь*, *мысль* мы отдаем предпочтение реконструкции связи с **men-/mon-*, и на этот раз оговаривая родство не только с номенклатурой мыслительной деятельности, но и атрибутами мужа, мужчины. Дело не ограничивается семантикой ‘обладающий доброй мыслью’ – *Dobromyslь* и т.д., но доходит до прямых указаний на возможную синонимичность **myslь* = **mqžь*, о чем также писалось в недавнее время. Наглядным примером того, как лексика самой высокой мыслительно-духовной сферы – ‘воображение, фантазия, мечта’ – берет начало в лексике экспрессивной – ‘мерцать, сверкать’ – служит слово **mьčьta*, *мечта*. Не так часто встречаются слова с одним значением, каково праслав. **mьlčati*, *молчать*, что затрудняет, но отнюдь не исключает семантическую реконструкцию. Глагол **mьrknqti*, *меркнуть* – о постепенной утрате света и наступлении темноты – оказывается связан с экспрессивной лексикой мерцания, чередования проблесков света и темноты. Прилагательное **mьrtvь*, *мертвый*, разделившее наращение вторичного элемента -v(-ь-) на продолжение и.-е. **mьrtos* под влиянием парного **živь*, и.-е. **gʷiуos* с лат. *mortuus*, – хороший аргумент в пользу непрерывности и конкретности связей славянского и индоевропейского и его диалектов. Важный термин древности, **mьstь*, *мestь* изучен в отношении своего генезиса, по-видимому, еще недостаточно. Во всяком случае обычное его толкование как **mьt-ь*, в связи с лексикой мены, обмена из **mьt-*, **mit-* вряд ли можно будет сохранить, сохраняя одновременно идею близости **mьstь* и **mьzda*, *мзда* ‘плата, награда, вознаграждение’. Статья **na davěse*, русск. диал. *надóвесь*, *надысь* ‘недавно’ включена в праславянский фонд, исходя из предположения древности словосочетания, которая как будто просматривается по спорадической замене *oi* (**nadoisь*) > *y*, случай, полезный почти наблюдаемой природой у как первоначального дифтонга. Словарь не упустил возможность кодифицировать еще одно словосочетание, **na dvorь* (сербохорв., русск., блр. примеры) ‘на двор, наружу’, потенциально древний оборот, вместе с тем фиксирующий некоторую продвинутость культурного уровня (**domь i dvorь*), тогда как в чем-то синонимичное праслав. **vьnь* ‘вон, наружу’, видимо, более архаично своей расплывчатостью (: др.-инд. *vānam* ‘лес’) и отсутствием намека на двор, подворье. Словосочетание **na jьzustь*, *наизусть* рассматривается в своих отличиях от якобы синонимичного **na rametь*, *на память*, притом что первое из них означало запоминание / воспроизведение наобум, не подумав, тогда как **na rametь* обозначало разумное припоминание. Славянское слово **nabozězь* (словен., чеш., в.-луж., н.-луж., польск. диал.) ‘сверло’ замечательно своей географией (ср. и прилагаемую карту),

представляет собой раннее германское заимствование, как бы тяготеющее к Центральной Европе. По-своему любопытно своей лексической семантикой слово **nabyti* 'овладеть, приобрести, добыть', притом что семантика исходного **byti* уместается в рамках значения 'быть, существовать'. Не лишено интереса географическое распределение двух синонимов 'надежда' – **nadedja*, более архаического и периферийного и **nadēdja*, относительно более молодого и центрального (карта также приложена). Сложение **nadoha* с простейшим исходным значением 'надобность' почти повсеместно наделено вторичными значениями 'сосуд, посуда, домашняя утварь'. Еще несколько примеров на *na-*, *ne-* и *ob-* уже привлекались в начале нашего общения.

Подведем итоги. За тридцатью годами издания ЭССЯ 1–30 стоит сорок и более лет его подготовки (вспомним полушутливые слова Абаева – из эпитафия, выше – о сорока годах, требующихся для подготовки этимологического словаря...). Наступает и время оценки и самооценки. При этом, возможно, уместным окажется такой атрибут, как **неровность**. Абсолютную ровность изложения да и уровня при объеме десятков томов и десятков ушедших лет, которые меняют даже одного и того же человека, кажется трудным, невозможным обеспечить, даже если бы автор был один. Что же говорить о коллективе. Словарь – отражение создавшего его человека. О своем труде судить нелегко. Думаю, что это удалось опять-таки одному Абаеву, который со всей нелицеприятностью и свойственной ему величественной смелостью говорил в былые годы о своем завершенном словаре: "Нельзя сказать – полная неудача. Можно говорить о неполной удаче". Это верно и справедливо, и никто из нас пишущих не вправе претендовать на какую-то более высокую оценку своих трудов. Поэтому, следуя примеру древних, попросим Читателя снисходительно отнестись к встреченным неточностям и другим недостаткам. Может быть, это поможет читающему сосредоточиться и на некоторых достоинствах, из которых я бы выделил, что то, что мы сделали и делаем дальше, – это первый в науке опыт **прязыковой лексикографии вообще**.